

Последний дар

М. ВОРОБЬЕВ

18+

Михаил Воробьев

Последний дар

<https://litres.ru/74098889>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятеро друзей приезжают в забытый южный курорт, рассчитывая на дешёвый отпуск, море и несколько тихих дней вдали от города. Но старый гостевой дом у озера встречает их тяжёлым запахом йода, странной тишиной и простым предупреждением хозяина: после одиннадцати к воде не ходить.

Томас, журналист и охотник за историями, быстро понимает, что в этом месте слишком много недосказанности. Соль на пороге, ночные шаги в пустом коридоре, труп без глаз, найденный у озера, и девушка с холодным зелёным взглядом, которая явно знает больше, чем говорит.

Чем глубже Томас погружается в тайны курорта, тем яснее становится: у воды здесь долгая память. И она ещё не закончила брать своё.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Заезд	11
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Михаил Воробьев

Последний дар

Пролог

Толпа собиралась в сумерках.

Люди тянулись с разных сторон к озеру, словно жили, сходясь в одной точке, — молча, быстро, не глядя друг на друга дальше положенного. В руках у некоторых были факелы. Огонь дрожал на ветру, освещал лица урывками. С берега озеро казалось чёрным, только полная луна лежала на воде длинной белой полосой, разбитой рябью.

Мара не понимала, куда её ведут и зачем. Будто она должна догадаться сама. Отец держал её слишком крепко, словно готов был к её побегу. Но бежать она не собиралась. Мать шла рядом и не отпускала запястье. От её пальцев кожа уже ныла.

Толпа разрасталась. На берегу было слишком много людей для обычной вечерней прогулки.

Никто не шумел. Никто не спрашивал, зачем их позвали. Даже дети, которых притащили с собой взрослые, жались к юбкам и не капризничали. По воде тянуло сыростью, тиной и чем-то ещё — тяжёлым, знакомым, как бывает перед грозой, только грозы не намечалось. Над озером висела полная

луна, света стало так много, что факелы уже почти казались лишними.

Мара не сразу заметила лодку, двух мужчин в ней и третьего — на коленях, с опущенной головой.

Кто-то передал факел одному из мужчин в лодке, и тот пролил свет на фигуры. Она узнала его почти сразу — того, кого любила. Он медленно поднял голову и встретился глазами с Марой. Губы дрогнули, будто он хотел улыбнуться.

У неё перехватило дыхание.

Возлюбленный стоял на коленях, связанный по рукам и ногам. Рубаха была порвана на плече и на груди, вся в пыли и тёмных пятнах. На виске уже запеклась кровь. Волосы слиплись и падали на лоб, на глаза. Секунду Мара просто смотрела, не понимая, как такое вообще может быть настоящим.

Тело дёрнулось само. Мара рванула вперёд, но отец сильнее сжал руку чуть выше локтя, так что что-то хрустнуло в плече.

— Нет, — выдохнула она, сама не слыша своего голоса.

Потом громче:

— Нет.

Крик сорвался почти сразу. Мать сжала её запястье сильнее. Кто-то в толпе начал выкрикивать оскорбления. Кто-то кричал про проклятье. Про кару. Про ведьм. А кто-то тихо молился или вовсе молча наблюдал. Мара уже ничего не понимала.

Лодку оттолкнули от берега.

Вёсла вошли в воду тихо, почти без плеска. Она пошла дальше, туда, где озеро было глубже и берег уже не доставал ни взглядом, ни светом факелов. Полоса лунного света легла прямо перед ней, и казалось, что лодка плывёт по этой белой пустоте.

Мара больше не кричала словами. Только рвалась, захлёбывалась воздухом. Ей уже было не до людей. В груди всё сжалось в один глухой, животный ужас. Она увидела, как один из мужчин в лодке поднял верёвку. На конце темнел тяжёлый камень.

Осознание ударило резко, почти физически.

Она дёрнулась так сильно, что чуть не вырвала руку из материнской хватки. Отец перехватил её за талию, сдавив так, что вырваться стало невозможно.

В лодке всё делали быстро. Не как в драке, не как в припадке злости — как работу, которую надо было закончить. Один держал его за плечо, другой накиннул петлю на шею. Он не сопротивлялся. Смотрел на Мару, на её блестящие от слёз глаза. Дёрнулся, пытался выпрямиться, но со связанными ногами только завалился набок. Лодка качнулась. По воде побежали круги, и лунная дорожка на миг рассыпалась.

Мара закричала.

Так сильно, что сорвала голос. Она уже ничего не видела толком — только свет факелов, воду, его лицо и верёвку. Её держали с двух сторон, а она всё равно рвалась вперёд, будто можно было дотянуться, будто это расстояние ещё ничего не

значило.

Его столкнули.

Вода тяжело вспухла, словно под ней шевельнулось что-то большое. Раздался плеск, короткий и глухой. Камень ушёл на дно сразу, утянув его за собой. На поверхности ещё секунду что-то билось, рвалось, расходилось кругами. Потом круги стали шире. Тише. Реже.

Толпа ждала.

Никто не уходил. Никто не молился. Никто не бранился. Все смотрели на воду так, будто от неё требовалось последнее подтверждение.

Мара больше не кричала — только всхлипывала, хватая ртом воздух. Слезы текли по лицу, она их не чувствовала. Перед глазами всё плыло: факелы, луна, чёрная гладь. Озеро понемногу успокаивалось. Круги от лодки и от тела расходились всё дальше, ломали отражение луны и наконец исчезли вовсе.

Кто-то ликующе закричал. Резко. Громко. Мара дёрнулась, словно испуганный зверь. Отец ослабил хватку. Наверное, он решил, что у неё кончились силы. Что теперь она просто будет стоять и смотреть, как остальные. Но Мара будет только этого и ждала.

Она вывернулась так резко, до боли, что сумела вырваться из хватки матери, и побежала.

Сначала по траве, потом по тропинке, потом прямо через лес, потеряв по дороге обувь. За спиной кто-то крикнул её

имя. Кажется, мать. Но Мара не обернулась. Ветки били по лицу, цеплялись за волосы, царапали руки. Подол путался в ногах, юбка цеплялась за корни. Она несколько раз падала, поднималась, снова падала и снова поднималась. И бежала.

Лес смыкался вокруг неё, ветки тянулись к ней, словно руки. Луна пробивалась сквозь кроны деревьев, ложилась на тропу, подсвечивая путь. Где-то стрекотали насекомые, где-то кричала ночная птица. Под ногами хрустело сухое, ломкое. В груди жгло так, будто она бежала уже не через лес, а через огонь.

К реке она вышла резко, почти не заметив, как деревья расступились.

Река неслась быстро. Шире, чем казалось днём. Тёмная, глубокая, с тяжёлым течением. Луна лежала и в ней тоже — уже не дорожкой, как в озере, а разорванным, ломаным светом, который всё время распадался на чёрной глади и собирался снова.

Мара остановилась у самого берега.

Дальше бежать было некуда.

Она согнулась, пытаясь вдохнуть, но воздух входил рывками. Всё тело трясло. Плечо ныло. Запястье горело. Ноги были исцарапаны, в земле и траве. Она опустилась на колени, вцепилась пальцами в сырой берег. Пальцы сразу утонули в мокрой земле.

Теперь она осталась одна — со своей болью.

Перед глазами снова встали лодка, порванная рубаха,

кровь на виске, верёвка и вода, которая сомкнулась слишком быстро.

Мара сидела так долго, не чувствуя времени. Плакала уже тихо, без голоса, только вздрагивая всем телом. Луна висела над рекой — большая, белая, чужая. Та же самая, что и над озером. Будто наблюдала.

Мара медленно поднялась.

С её волос и ресниц всё ещё капало — слёзы, пот, речная сырость, осевшая на коже. Она достала белый платочек, спрятанный в потайном кармашке. На нём было вышито её имя. Его подарок. Она посмотрела на платок, крепко сжала его и снова заплакала. Тихо, молча, боясь нарушить тишину.

Рука разжалась. Мара сделала шаг.

Течение сразу ударило по ногам, потянуло в сторону. Она пошатнулась, но не вышла обратно. Сделала ещё шаг. Потом ещё. Вода поднялась к коленям, выше, к бёдрам, к поясу. Мокрая ткань потяжелела и прилипла к телу. Холод пробрал её насквозь.

Она остановилась только на секунду.

Вода бежала мимо неё, не задерживаясь, тёрлась о ткань, о кожу, о колени, словно торопила. Луна дрожала на поверхности прямо перед ней. За спиной чернел лес, будто понимал, что происходит. Впереди ничего не было видно — только течение и свет, дрожащий на воде.

Мара сделала ещё шаг.

Дна под ногой уже не оказалось.

Река приняла её сразу. Тело качнуло вперёд, течение дёрнуло вниз и в сторону. На поверхности разошлись круги — быстрые, ломкие, — и почти сразу их унесло.

Утром нашли не её.

Только белый платок с вышитым именем — «Мара».

Глава 1. Заезд

Летом 2015 года дорога к курорту тонула в такой пыли, будто само место не хотело, чтобы его запоминали. Солнце било в лобовое стекло, пальмы дрожали в мареве, а рекламные брошюры обещали совсем другое: отреставрированный южный рай со всеми удобствами и напоминанием о прошлом. Томас смотрел на дорогу и уже знал, что в статье этой пыли не будет.

Поездка в этот забытый курорт была затеей Виктории. Для остальных это звучало как сомнительный, но недорогой отпуск, для Томаса — ещё и как шанс собрать материал. Уже не первый год он писал о маленьких курортах, которые когда-то были довольно популярными, но время сделало своё дело. Тем более когда появилось множество гигантов курортной индустрии. Остальные поехали скорее за компанию. Так с ними было всегда — ещё со времён университета, когда самые странные решения почему-то почти неизменно заканчивались общими чемоданами.

— Видимо, нормальный сигнал не входит в «полный комфорт», — подметил Карлос, в который раз обновляя ленту. Безрезультатно. То ли по привычке, то ли просто чтобы не слушать спор.

— Зато дёшево, — ехидно заметил Дэн. Пыль его вовсе не смущала. В тёмных очках, развалившись у окна, он лениво

осматривал пальмы и полоску моря, то и дело мелькавшую за ними.

— Зато озеро, — передразнивая, ухмыльнулась Виктория. Она единственная, кто уже была в этих краях, и была рада отдохнуть в месте, которое напоминало ей родину.

— «Дёшево» и «озеро» — разные вещи, — подытожил Дэн.

— Зато вместе они складываются в отпуск, — отрезала Виктория.

Они слишком давно знали друг друга, чтобы всерьёз ссориться из-за таких мелочей. Всё это уже было: жаркие споры, идиотские подколы, шумные поездки, чужие города и страны. Когда-то их свёл университет, факультет славистики, а всё остальноеросло потом само: привычка держаться вместе, даже если никто из них не признался бы в этом вслух.

Русский в их компании давно стал чем-то вроде внутренней привычки. Сначала всё держалось на Виктории — единственной русскоязычной среди них, — потом язык как-то незаметно прирос к дружбе, к шуткам, к поездкам, к вечерам на общей кухне в общежитии. Иногда они перескакивали на английский, иногда Карлос добавлял мексиканской краски, но, когда спорили, дурачились или матерились, почти всегда возвращались именно к русскому.

Томас часто вспоминал, как Виктория пригласила их к себе домой. Они тогда были уже на третьем курсе и активно изучали русский язык, часто его практиковали. Но где его

можно натренировать лучше, чем с носителями? Тогда они приезжали в Армавир. Это был потрясающий город со своим колоритом и очень приветливыми людьми. Томасу язык давался довольно просто, Сабрина тоже не отставала, а вот Дэн и Карлос частенько путали слова, делали ошибки, и всё это выглядело довольно комично. И безобидно. Сейчас они разговаривали практически без акцента: всё-таки прошло уже семь лет с той поездки. Разве что Дэн частенько мог допустить оговорки, а Карлос вставлял мексиканские слова.

Водитель, который согласился отвезти ребят, по мнению Томаса, уже жалел об этом. Он даже ни разу не посмотрел на них в зеркало заднего вида.

— Долго ещё? — процедила сквозь зубы Сабрина, захлопывая книжку. Жара и теснота раздражали её всё сильнее.

Втроём на заднем сиденье ещё можно было выжить, но впятером в тесной машине дорога тянулась мучительно долго.

Солнце нагревало машину с каждой минутой; открытые окна, кондиционер, ручные вентиляторы — не спасало ничего. Казалось, ремни безопасности оставят след на коже сквозь одежду, так сильно они раскалились.

Липкая духота висела в воздухе тяжёлым облаком. Томас не мог дождаться, когда окажется в ванной, под струями прохладной воды, смоем с себя эту дорожную пыль и даст коже немного подышать.

— В нашем случае нужно брать мини-автобус, не мень-

ше, — заметил Карлос, продолжая упорно тыкать в телефон. Конечно, связь за это время не появилась, но и Карлос был не из тех, кто сдаётся.

Пальмы тянулись вдоль дороги редкой шеренгой. Листья местами выгорели до желтизны, и тени от них почти не спасали от жары.

Потом показались люди — немного, но достаточно, чтобы понять: курорт близко. На набережной стояла пара рыбаков, чуть дальше катила коляску молодая женщина, а у киосков толпились туристы в шортах, панاماх и пляжных шлёпанцах. Над ними кружили старушки с ручными вентиляторами, веерами и завышенными ценами.

Томас разглядывал выцветшие вывески киосков, брошенные гостевые домики. За бетонным забором скрывался забытый санаторий. Виктория рассказывала Томасу, что его реставрацию планируют уже двенадцать лет, но всё никак не найдут инвесторов. Оно и неудивительно: кто захочет спонсировать это богом забытое место? Одна дорога — уже адский аттракцион.

— Почти приехали, — бросил водитель.

Томас поймал себя на мысли, что за всю дорогу сильнее всего его заинтересовал водитель. Как журналист, он тут же начал достраивать детали: хмурый, молчаливый, с лицом, которое слишком многое знает. Он идеально бы подошёл на роль бандита, маньяка или героя дешёвого триллера. За мелькающими картинками в подсознании Томас не заметил,

как они добрались до места.

Стоило Томасу оказаться в новом месте, как отдых отступал на второй план. Он машинально собирал интонации, лица, запахи, случайные фразы, детали — всё, из чего потом складывался текст. Большие курорты утомляли его своей монотонностью, а вот такие места, чуть потрёпанные, не до конца выцветшие, со своей историей, всегда казались ему честнее.

Выбравшись из душного салона, все с облегчением потянулись. С моря тянуло ветром, но вместе с ним пришёл и запах — густой, йодистый, слишком тяжёлый для тихого озёрного курорта.

— Странно пахнет, — заметил Томас, поглядывая на набережную.

— Тут море близко, — сказала Виктория. — Оно связано с озером через реку. Как нерв. Поэтому йодом тянет даже здесь. Редкая штука для такой местности.

Виктория хотела добавить что-то ещё, но не стала, поняв, что, кроме Томаса, её никто не слушает.

— Кто-нибудь нас встретит? — поинтересовалась Сабрина, смахивая платком капли пота с шеи.

Карлос некоторое время крутился, шурясь от палящего солнца, настырно выискивая сигнал. Человек, яростно желающий отгородиться от рабочих чатов, так же яростно искал палочки сети, чтобы убедиться, что он нужен и без него всё рухнет.

Гостевой дом оказался аккуратнее, чем ожидал Томас. Видны были проделанные ремонтные работы: аккуратное крыльцо, окрашенные ступеньки, ведущие наверх ко входу, стена винограда, скрывающая основную массу дома. Казалось, ремонт не застал только табличку. Старая, ветхая, с облупившейся краской, она напоминала о возрасте места. На ней красовалась надпись «Гостевой дом», но там, где была некогда написана фамилия владельцев, не осталось следа даже от краски.

— А на новую табличку денег не хватило? — кивнул в сторону несчастной доски Дэн.

Виктория тут же попыталась отвесить ему шлепок. Возможно, хотела бы дать подзатыльник, но её роста хватило лишь мягко скользнуть по плечу Дэна.

Дэн и Карлос быстро расправились с сумками и водрузили их возле входа. Томасу было даже неловко, что он не помогает друзьям, но контролировать своё любопытство он не мог. Да и ребята вроде уже привыкли, что Томас может зависнуть в одном месте, просто рассматривая какую-нибудь деталь. Иногда они шутили, что у него в голове открывается вордовский файл и начинаются записи. Отчасти это было правдой.

Поднимаясь по ступеням, Томас машинально подмечал детали: ставни, выкрашенные в молочный цвет, покрытые лаком брёвна, новые петли без единого скрипа. Дом выглядел ухоженным. И тем страннее было то, что чем ближе они

подходили, тем сильнее становился запах йода и тины.

Хозяин дома оказался крепким седым мужчиной. Стариком назвать его язык не поворачивался, хотя на сайте значилось: семьдесят три года. Поджарый, с глубокими морщинами и спокойным, тяжёлым взглядом.

— Добрались-таки, — прохрипел старик своим прокуренным голосом. — Меня зовут Дмитрий Александрович, я хозяин этого дома. Добрались нормально? А то знаю я местных бомбил, — уже разворачиваясь в сторону дома, продолжал он.

Двигался он бодро, но как-то прерывисто, будто его иногда коротило. Томас подметил, что дружелюбием Дмитрий Александрович не пылал, но при этом всю жизнь отдал семейному бизнесу и работал в этом гостевом доме.

Компания вошла следом за ним и оказалась уже внутри.

Внутри было уютно; Томас сразу отметил южный колорит. Хозяин не стал превращать свой дом в подобие отеля — с ресепшеном, вывесками и прочей ерундой, которая убила бы его дух. Дмитрий Александрович подошёл к столику, взял круглую деревянную миску, на которой лежали ключи, и вернулся к ребятам.

В деревянной миске лежали три ключа с выцветшими бирками, на которых заново были нацарапаны ручкой номера комнат. Томас ухмыльнулся: было в этом что-то тёплое, родное. Правда, описывать такими словами курорт в статье — заведомо провальная идея. Мало кто купится на носталь-

гию.

Миску хозяин держал одной рукой, вцепившись морщинистыми пальцами в края, словно коршун в добычу. Рука почти не тряслась. Томаса это впечатлило, ведь, как правило, люди такого возраста не могут похвастаться таким контролем над своим телом. И это при такой жаре.

— Вот ключи от ваших комнат, — сухо констатировал Дмитрий Александрович. — Но прежде чем вы заселитесь, я должен рассказать вам о правилах. Курорт у нас небольшой, всё довольно рядом, так что нужды в чём-то у вас не будет. Однако убедительно прошу: после одиннадцати не шуметь, музыку на всю улицу не включать. Уважайте отдыхающих по соседству.

Хозяин дома замолчал. Его взгляд был направлен на ребят, но смотрел он будто сквозь них. Томас заметил, что он запнулся, подбирая слова.

— Ах да, — он запнулся, будто решая, говорить ли это вообще. — После одиннадцати на озеро ни ногой.

— Опа, а почему? А как же купаться голышом с местными красотками?

Очередной идиотский выпад Дэна Томаса не удивил.

— Комары сожрут, — сухо, почти себе под нос, пробубнил Дмитрий Александрович, развернулся и направился в коридор, где располагались комнаты постояльцев.

Кондиционера в доме не было; в комнатах обещали лишь небольшие вентиляторы. Все окна были открыты, но это не

спасало. Несмотря на близость воды, ветер будто обходил дом стороной. Воздух был тяжёлый, липкий, он забивал лёгкие так же быстро, как сигаретный дым у неопытного курильщика. Сабрина не скрывала своего недовольства, обмахивая себя шёлковым шарфом.

— На первом этаже комната на двоих, — хозяин дома не успел договорить, как ключ с импровизированного подноса оказался в руках Дэна.

— Сабрина, обещаю, храпеть не буду, — все знали, что Дэн так глупо шутит, и даже уже привыкли, но почему-то в этот раз Сабрина решила не игнорировать хамство в её сторону.

— Надеюсь, ты будешь таким же учтивым и к Карлосу, — прыснула девушка, взяла ключ от номера напротив и, подхватив свои сумки, зашла туда вместе с Викторией, захлопнув дверь перед носом Дэна.

Карлос лишь покачал головой, взял ключ и открыл номер, в котором был вынужден провести свой отпуск с совершенно несносным членом компании.

— Что ж, — прервал неловкую паузу старик, — твоя комната на втором этаже, в самом конце коридора, номер семь. Она небольшая, но зато у тебя не будет соседей.

Дмитрий Александрович кивнул в сторону закрывшейся двери номера Дэна и Карлоса и направился к лестнице на второй этаж.

Второй этаж был узким: только ряд комнат и пара под-

собок. Он находился под крышей, поэтому в конце коридора Томаса приветливо встречало маленькое круглое окошко. Дойдя до нужной двери, старик любезно её отворил, и Томас буквально ввалился в комнату, попутно кидая сумки в угол.

— Добро пожаловать, — бросил старик и прикрыл дверь.

Почесав затылок, Томас принялся рассматривать своё убежище на ближайшую неделю. Комната и правда была небольшой: на тумбочке стоял графин с водой и пара бокалов, полотенца аккуратно лежали на небольшом столе у окна. Окно, кстати, выходило во двор, что стало для Томаса плюсом. Небольшая кровать в углу напоминала ему о кровати в студенческой общаге. Правда, шарм у неё был другой. Если ту кровать ему не хотелось трогать из брезгливости, то на эту он упал сразу, вдыхая запах свежестыранного белья.

Томас провалялся бы так ещё несколько часов, но жара продолжала давить, и желание поскорее принять душ победило. Сев на край кровати, журналист принялся раскладывать вещи. Пока руки хаотично вытаскивали всё подряд из сумок, глаза цеплялись за комнату, делая мысленные заметки: о старых половицах, о таком же старом, но чистом окошке, обрамлённом белоснежными занавесками.

Второй этаж в целом отличался от первого, будто бы он был старше. Жил отдельной жизнью. К слову, половицы не скрипели. Томас сделал несколько кругов по комнате, пока разбирали вещи, и ни разу не услышал противного скрипа. Это даже пугало. Звонящая тишина.

Всё, чего хотел Томас, — это принять душ с дороги. И если у ребят ванная находилась в их номерах — или комнатах, если проще говорить об обстановке дома, — то его ванная комната была напротив. Взяв одежду и полотенце, он распахнул дверь, и в нос тут же ударил запах моря. Тяжёлый, вязкий. Затем он услышал, как капает вода. Или не капает. Но точно вода.

Кто-то на этаже был ещё.

Сделав робкий шаг, Томас приблизился к приоткрытой подсобке.

В узкой щели он увидел девушку: она собиралась мыть пол, и то, что он принял за капли, оказалось всего лишь плескающейся тряпкой в ведре. Но вид был роскошный, словно картина советского художника. Девушка, солнце, длинные русые волосы, упавшие на лицо. Если бы это было в фильме, это точно показали бы в замедленной съёмке. Томас ухмыльнулся своим мыслям: вот Дэн точно бы опошил ситуацию и уже как-нибудь неуместно пошутил, а он тут выписывает картины.

Внезапно его прервал взгляд зелёных глаз — пристальный, холодный, ничего не имеющий общего с той тёплой атмосферой картины, что царила минуту назад.

Дверь закрылась так резко, что Томас едва успел отпрянуть.

Тело Томаса странно отозвалось.словно сотня мурашек разом пробежала по коже. Несмотря на уютную картину, ко-

торую он уже успел нарисовать в воображении, его обдало холодом. Неприятным, липким, скользким.

Несколько раз моргнув, Томас развернулся на пятках и побрёл в сторону ванной комнаты с чётким чувством, что он вторгся куда-то, куда не следовало. Но куда? Подсматривать, конечно, нехорошо, но и в увиденном не было ничего такого, за что его можно было бы пристыдить.

Наконец смыв с себя дорожную пыль и переодевшись в более лёгкую одежду, Томас спустился вниз. Шум доносился с заднего двора; он сразу понял, что все друзья на веранде и он, как всегда, опоздал. Его педагог всегда говорил, что, если он не станет более пунктуальным, то может попрощаться с карьерой журналиста. Отчасти это было правдой: Томас всего лишь обзиревал курорты. И не огромные отели, а вот такие маленькие, захудалые — те, которые иногда называют воскресшими.

— Томас, сколько можно ждать? — Дэн протянул руку и буквально выдернул друга из дверей.

— Карлос добрёл до местного магазина и притаранил нам, по словам местных, неплохое вино, — заметила Сабрина, держа в руках бокал с тёмно-бордовой жидкостью.

— Да, Карлос молодчина, а вот я — начал свою тираду Дэн, но его тут же перебили.

— А ты не закрываешь рот ни на минуту, — язвительно отметила Виктория, расставляя тарелки с закусками.

— Возможно, но я создаю атмосферу. Не будь меня, вы

бы сидели уныло в книжках да в телефонах, — не унимался Дэн, запихивая в рот украденный из-под носа Виктории бутерброд.

— Тут настолько херовая связь, что, увы, при всём желании не получится, — вздохнул Карлос, откладывая смартфон в сторону. И это был знак. Карлос был из тех, кто не расстаётся с телефоном. Телефон буквально был его прямым продолжением.

— И это прекрасно, ведь мы проведём время вместе, а не общаясь в чатах, сидя в метре друг от друга, — Дэн завалился на небольшой диванчик, куда недавно сел Карлос, и нарочито сильно прижал к себе парня, изображая братские объятия.

Вообще, у каждого из них была своя причина поехать. Дэну было всё равно куда, лишь бы не сидеть дома и не выслушивать очередные упрёки от родителей. Карлосу нужен был перерыв после работы и место, где никто не сможет его достать по телефону, хотя именно это бесило его сильнее всего — плохая связь. Сабрина надеялась на тишину. Виктория же хотела окунуться в воспоминания. Она защищала эту дыру с самого начала. А Томас ехал за материалом, хотя сам себе обещал хотя бы пару дней делать вид, что это просто отпуск с друзьями.

Какое-то время компания веселилась, общалась. Вино и правда было вкусным, девочки приготовили массу интересных закусок, так что голод с дороги они тоже утолили. За

разговорами компания не заметила, как уже начало темнеть. Сделав музыку тише, Виктория присела на перила веранды, поёжившись от ветерка, который стал заметнее с появлением тишины.

— Эй, ну ты чего, там моя любимая песня, — заныл Дэн, делая жадный глоток.

— Ты забыл про правила? Или хочешь оказаться на улице в первый же день отпуска? — вскинула бровь Сабрина.

Дэн лишь отмахнулся. Возможно, он и был иногда раздражителен, но именно он был заводилой этой компании. Шумным, весёлым, иногда не к месту. Иногда слишком наглым.

Дэн подсел к Томасу довольно резко и неожиданно, выдёргивая того из мыслей.

— Эй, Томас, ты уже видел девушку, что помогает по дому старику? — тихо, так, чтобы их разговор никто не услышал, начал Дэн.

Томас кивнул.

— Красивая, — протянул Дэн, словно мартовский кот.

Томас снова кивнул.

— Ты свободен, я свободен — продолжил было Дэн.

— Прости, ты не в моём вкусе, — иронично отрезал Томас.

Дэн сделал вид, что пропустил это мимо ушей.

— Как ты думаешь, с какого подката она потеряет от меня голову?

Дэн не собирался останавливать эту тему. Томасу это бы-

ло неинтересно. Он не рассматривал девушек как предмет спора или трофеей. Но не подыграть Дэну он не мог. Подобные игры тянулись у них ещё с третьего курса, правда Томас в самой игре в итоге не участвовал, поэтому Дэн был абсолютным чемпионом.

— Я думаю, она уже потеряла от тебя голову, — кивнул Томас, улыбаясь другу.

— Ой да ладно, хочешь сказать, и эта тебе не понравилась? — брови Дэна поползли домиком.

Томас задумался. На самом деле её глаза не выходили у него из головы. В них было что-то волшебное, притягивающее и опасное. Именно опасное, холодное. Томас не понимал, почему именно такая ассоциация. Отмахнувшись от мыслей, он покачал головой.

— Так что? Посмотрим, кто из нас её подцепит? — глаза Дэна горели интересом. Он уже смаковал победу; это было заметно по его широкой улыбке.

Рука Дэна потянулась к Томасу для рукопожатия, и Томас принял вызов. Жестом подозвав Карлоса для разбива, Дэн довольно ухмыльнулся. Карлос даже не поинтересовался, что за спор. Это было обыденно для этих двоих.

Все разошлись примерно в полночь. Дэн ушёл с остатками вина, Карлос помогал Виктории убирать со стола, Сабрина же отправилась к себе первой, чтобы постараться пораньше уснуть.

Получив отказ на предложение помочь с посудой, Томас

отправился к себе в комнату. По пути он мысленно включил свои воображаемые заметки: осматривал дом и оставлял в голове записи, которые обязательно должен был потом перенести на физический носитель.

Про хозяина дома, который казался суровым, неприветливым, но тёплым. Про сам дом, в котором они не ощущали себя как в отеле; чувства были схожи с отпуском у бабушки Виктории на Кубани. Про стену винограда, которая огораживала дом от посторонних глаз. О девушке, чьи глаза завораживали и пугали.

Пугали. Именно это надо было записать Томасу в первую очередь. Его действительно напугали её глаза. Они буквально обдали его холодом.

Поднявшись на второй этаж, Томас замер у двери, за которой видел девушку. Никаких звуков. Никакой жизни на этаже. Он слышал только биение собственного сердца. Опустив глаза в пол, он прошёл дальше.

Томас резко остановился возле двери. На пороге белела узкая полоска. Присев на корточки, Томас коснулся её пальцами. Соль. Обычная соль. И явно рассыпанная чьей-то рукой.

— Ну нет, ты же не в хорроре, — прошептал себе под нос парень, отогнал дурные мысли и прошёл в комнату, предусмотрительно защёлкнув дверь на замок.

Усевшись на кровать, Томас снова начал прокручивать день. Рука сама потянулась к блокноту, который он заранее

оставил на тумбочке у кровати. Открыв его, Томас начал делать заметки.

Его прервал звук. Звук капающей воды, словно кто-то бесшумно ступал по полу, а с ног срывались капли. И запах. Тяжёлый морской запах.

Но Томас отмахнулся. Решил, что это природа, усталость и местное вино ударили в голову.

Отложив блокнот, взяв наушники, он включил какую-то аудиокнигу — не выбирая, чисто фоном, потому что последние несколько лет мог засыпать только под бормотание. Но уснуть он не мог. Не так просто, не в этот раз.

Томас пару часов пролежал, пялясь в потолок. Он уже убрал наушники, тем более что мысли про дом заглушали любую аудиокнигу.

Что-то с ним было не так. С домом.

Тяжёлый йодистый запах. Соль на пороге. Ни одной кошки поблизости, хотя на соседних участках они мелькали по нескольку сразу. Мысли от этого лезли в голову странные, такие же тяжёлые, как здешний воздух. Чутьё Томаса подсказывало: тут есть интересная история. Но он всего лишь журналист-обозреватель, и его начальнику не нужен мистический роман. А вдруг тут и нет ничего мистического?

И всё же это место было слишком тихим для курортного домика. Будто ему не хватало жизни. Возможно, из-за постояльцев? Но во время брони их сразу предупредили, что свободны только три комнаты, в остальных ведутся ремонтные

работы. Но тогда почему так тихо? Ремонт замер на время туристического сезона, чтобы никого не тревожить? Вздор.

Он и сам не заметил, как начал проваливаться в сон — с мыслью о холодных глазах, под тихий звук капающей воды и тяжёлый запах йода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.